

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13682

EDN: AOUNXH

Тема детства в романе Б. К. Зайцева «Заря»

Е. Ю. Шестакова

Северный (Арктический) федеральный университет

им. М. В. Ломоносова

(г. Архангельск, Российская Федерация)

e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи явилось рассмотрение специфики изображения темы детства в романе «Заря» Б. К. Зайцева. В современном литературоведении активно разрабатывается, изучается тема детства в творчестве отечественных писателей, оказавшихся в эмиграции после революционных событий. Актуальность работы обусловлена тем, что в ней исследуется одна из важных тем литературы русского зарубежья. Новизна исследования состоит в сопоставлении романа Б. К. Зайцева с русской классической прозой XIX в. о детстве, в уточнении вопроса о традициях и новаторстве в решении темы детства писателем русского зарубежья. В работе рассмотрены теоретические вопросы, связанные с пространственно-временной структурой романа «Заря», раскрытием образно-мотивного ряда, художественных средств и приемов. Все это является необходимым не только для понимания особенностей воплощения образа детства в прозе Б. К. Зайцева, но и для определения национального своеобразия русской литературы о детстве. В центре романа Зайцева находится образ ребенка, живущего в усадьбе, традиции изображения которой восходят к произведениям русской литературы XVIII–XIX вв. Описывая родовое «гнездо» с его вещественным наполнением, особой семантикой, автобиографической основой, воссоздавая мир ребенка, Б. К. Зайцев опирается на повесть Л. Н. Толстого «Детство». Идиллическое время доминирует в структуре романа «Заря». Важными составляющими ее являются мотивы света, ароматов, запахов, звуков природы, синестезия, характерная для детского мироощущения. Ребенок переживает полноту радости бытия, родственного пребыванию в Эдеме. Мир детства, пронизанный Божественной благодатью, кроме биографического и исторического времени, обращен к категории Вечности. Детство одухотворяется и сакрализируется. Мать и отец органично включаются в мир романа, ассоциируются с представлением об упорядоченности и устойчивости бытия. Совместные семейные трапезы, ритуальность становятся событиями, создающими атмосферу счастья. Детское мировосприятие показано через систему оппозиций «свое»/«чужое» пространство. Детство сопряжено с танатологическими событиями. Описание круга чтения становится обязательным для раскрытия внутреннего мира героя-ребенка. Роман писателя является примером изображения детства, обусловленного новой

эпохой, модернистскими новациями, состоящими в изменении взаимоотношений автора и ребенка.

Ключевые слова: мир детства, образ ребенка, литература русского зарубежья, Б. К. Зайцев, роман, Заря, реализм, модернизм, литературная традиция

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Тема детства в романе Б. К. Зайцева «Заря» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 172–186. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13682. EDN: AOUHXX

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13682

EDN: AOUHXX

Childhood Image in the Novel “Dawn” by B. K. Zaitsev

Elena Yu. Shestakova

*Northern (Arctic) Federal University Named After M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)*

e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the specifics of depicting the theme of childhood in the novel “Dawn” by B. K. Zaitsev. In modern literary studies, the theme of childhood in the works of Russian writers who found themselves in exile after the revolutionary events is actively being developed and studied. The relevance of the work is due to the fact that it explores one of the important topics in the literature of the Russian diaspora. The novelty of the research consists in comparing the novel by B. K. Zaitsev with 19th century Russian classical prose about childhood, in clarifying the question of traditions and innovation in solving the theme of childhood by the writer of the Russian diaspora. The paper considers theoretical issues related to the spatial and temporal structure of the novel “Dawn,” the disclosure of the figurative and motivational series, artistic means and techniques. All this is necessary not only to understand the peculiarities of the embodiment of the childhood image in B. K. Zaitsev’s prose, but also to determine the national identity of Russian literature about childhood. In the center of Zaitsev’s novel is the image of a child living in a manor, which is depicted according to Russian literary traditions of the 18th — 19th centuries. Describing the ancestral “nest” with its material content, special semantics, autobiographical basis, recreating the world of a child, B. K. Zaitsev relies on the novel “Childhood” by L. N. Tolstoy. Idyllic time dominates the structure of the novel “Dawn.” Its important components include the motifs of light, aromas, smells, sounds of nature, the synesthesia characteristic of a child’s worldview. The child experiences the fullness of the joy of being akin to being in Eden. The world of childhood, permeated with Divine grace, apart from biographical and histor-

ical time, is addressed to the category of Eternity. Childhood is spiritualized and sacralized. Mother and father are organically included in the world of the novel, associated with the idea of the orderliness and stability of being. Family meals together and rituals become events that create an atmosphere of happiness. Children's worldview is presented through a system of oppositions of "their own"/"someone else's" space. Childhood is associated with thanatological events. The description of the reading circle becomes mandatory in revealing the inner world of the child hero. The writer's novel is an example of an image of childhood conditioned by a new era, modernist innovations consisting in changing the relationship between the author and the child.

Keywords: the world of childhood, the image of the child, the literature of the Russian abroad, B. K. Zaitsev, the novel, Dawn, realism, modernism, literary tradition

For citation: Shestakova E. Yu. Childhood Image in the Novel "Dawn" by B. K. Zaitsev. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 2, pp. 172–186. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13682. EDN: AOUHXX (In Russ.)

Художественный мир представляет собой отражение действительности, пропущенной сквозь личностные представления. В его воссоздании большое значение имеет автор. М. М. Бахтин наделял автора ролью «носителя напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгredientного каждому отдельному моменту его» [Бахтин, 1986: 16]. Определяющим здесь представляется то, что «сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир сознание, объемлющее и завершающее это сознание героя моментами, принципиально трансгredientными ему самому, которые, будучи имманентными, сделали бы фальшивым это сознание» [Бахтин, 1986: 16]. О «специфике художественного мира», где наиболее всего важен «уровень авторского текста», писал Ю. М. Лотман [Лотман: 296].

Большую роль в воссоздании художественного мира играют традиционные представления, в основе которых лежат эстетические, этико-философские, историко-социальные ценности. Иными словами, художественный мир произведения «несет на себе печать эпохального и культурно-национального масштаба» [Дулова, Николаев: 131]. Ю. М. Лотман определяет «персонаж» и «пространство» в качестве важнейших компонентов структуры текста [Лотман: 303].

Среди разнообразия тем литературы русского зарубежья первой волны эмиграции особенно выделяется тема детства, что представляется вполне закономерным явлением. Писатели были неразрывно связаны с историко-социальной, философской, этической, эстетической ситуацией конца XIX — начала XX в. Для русской культуры рубежа веков характерен пристальный интерес к человеку, его природе, что было обусловлено ситуацией 1917 г., когда оказались разрушены устоявшиеся духовно-нравственные ценности. Это определило внимание к истокам формирования личности, взгляду на мир и людей — детству, ребенку.

Борис Константинович Зайцев (1881–1972), оказавшись в эмиграции, создает тетralогию «Путешествие Глеба», состоящую из романов «Заря» (1937), «Тишина» (1948), «Юность» (1950) и «Древо жизни» (1953). Детству главного героя Глеба посвящен первый роман цикла.

Мир ребенка в романе Б. К. Зайцева «Заря» стал предметом научного рассмотрения в статье А. О. Фомиченко. Произведение, по мнению исследователя, предстает «лирическим повествованием о детстве и отрочестве»: Б. К. Зайцеву было важно показать гармоничность жизни, «ощущение счастья ребенка» [Фомиченко].

В. Т. Захарова считает, что в зайцевской тетralогии присутствует «мотив жизненного движения» [Захарова: 82]. В монографии исследователя отдельная глава посвящена роману Б. К. Зайцева «Заря». В имени главного героя и в названии первого романа тетralогии заключена, по мнению Захаровой, «лирико-поэтическая символика» [Захарова: 83].

Мир детства, представленный в романе «Заря», имеет особую пространственно-временную структуру, обозначенную уже в первых строках произведения:

«Двухэтажный барский дом, каменный, с деревянной пристройкой»¹.

¹ Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4: Путешествие Глеба: автобиографическая тетralогия. С. 27. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Зайцев* и с указанием страницы в круглых скобках.

При создании образа дома большое значение придается предметной семантике, изображению вещественного наполнения пространства. Усадьба описывается детально, с перечислением «сада», «конюшни», «каретного», «людской избы», «огородов» (Зайцев: 27). Возникает представление об едином пространстве «родового дома <...> как материализованного, вещественного выражения связи между поколениями, символа прочности, защищенности, жизненной укорененности...» [Ермоленко: 67].

В романе образ дома-усадьбы предстает в тесной связи с изображением детства героя. В начале произведения описывается отцовская усадьба писателя, располагавшаяся в селе Притыкино Каширского уезда Тульской губернии, что соответствует автобиографическому характеру произведения.

Внешний облик пространства определяется особенностью детского мировосприятия. В этом смысле Б. К. Зайцев следует традиции изображения дворянской усадьбы в повести Л. Н. Толстого «Детство» (1852). В свою очередь, писатель XIX в. ориентировался на образ усадебного мира, представленный в произведениях Н. А. Львова, Г. Р. Державина. В этих текстах «картины усадебной жизни связаны прежде всего с представлениями о пребывании человека в чудесном саду, в раю» [Копейкина: 409]. Мир русской усадьбы осмыслился средоточием «уют, тепла, гармонии человека и природы» [Копейкина: 409]. Образы «дворянских гнезд», размышления об их судьбах появляются в романах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1833), «Обломов» И. А. Гончарова (1847), «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева (1856–1858), «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1875–1880), пьесе «Вишневый сад» А. П. Чехова (1903) и др.

Традиция раскрытия родового «гнезда» через детское мировосприятие, представление о ребенке как о центре художественного мира впервые заявляет о себе в повести Л. Н. Толстого «Детство». Сквозь призму восприятия Николеньки Иртеньева «всплывают фрагменты усадебного пространства»: «ржаное поле», «хлебная уборка», «высокий синеющий лес», «поле с копнами и народом»².

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Серия первая. Произведения. Т. 1: Детство. Юношеские опыты / вступ. ст. В. Г. Черткова; ред. А. Е. Грузинский, М. А. Цявловский и др. С. 22, 23. Далее ссылки на это

В пространство русской усадьбы включаются гостиная, кабинет, лакейская, спальня, передняя, столовая и т. д. Непременным атрибутом локуса дома является сад: «Я вспомнил луг перед домом, высокие липы сада, чистый пруд» (*Толстой*: 72). Образ сада заключает в себе символику библейского райского Эдема. Образ дома-усадьбы, его вещественное наполнение, метафорическое воплощение образа сада как счастливого места восприняты Б. К. Зайцевым от Л. Н. Толстого.

Домашнее пространство осознается Глебом как «свое», где «с деревенскими детьми дети барские в дружеских отношениях — вместе играют в лапту на лужайке...» (*Зайцев*: 32). Подобное мы видим у Л. Н. Толстого. Дорогу около дома Иртеньев описывает как «свой мир», где «каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы» (*Толстой*: 7). Далее этой границы начинается «чужое пространство» — «силенущий лес», «который <...> казался <...> таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны» (*Толстой*: 22–23).

Идиллическое время становится определяющим и в структуре мира детства романа «Заря»:

«Июньское утро, ничем от других не отличающееся — для всех, но не для некоего маленького человека» (*Зайцев*: 27).

Автор подчеркивает, что «июньское утро» предстает особым, необыкновенным — прежде всего для ребенка. Не только пространство, но и время воссозданы как версия мира, порожденная сознанием героя. Мотивы света («какой невероятный, ослепительный свет», «все в свете дрожит, млеет, как-то ходит и трепещет», «световых волнах», «в ослепительном деревенском утре»), образы ароматов природы («душистое с лугов веянье», «истаиваешь в сладких запахах») (*Зайцев*: 27) являются важными составляющими мира детства героя. Синэстезия («будто невидимый коростель выбивает световую музыку») (*Зайцев*: 27), свойственная детскому мироощущению, отражает целостность, гармоническое единство окружающего пространства.

издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Толстой* и с указанием страницы в круглых скобках.

Для ребенка характерна «солнечная импрессионистическая картина мира» [Захарова: 83].

Время мыслится как циклическое, герой живет в соответствии с повторяющимися ритмами природы. Летний пейзаж предстает во всем многообразии цветовой образности («в окне темно-малиновый, изнемогающий закат»), обонятельных («тянет лугами, сыростью, покосом») и звуковых характеристик («в колоссящихся ржах к Высоцкому заказу бьют перепела. Коростель надрывается — коростель июньской русской ночи») (Зайцев: 34). Картина угасающего лета вписана в контекст тишины, спокойных цветовых оттенков:

«Августовский день тих и сероват, в липовых аллеях, прямоугольно парк обрамляющих, желтый лист — нежно он шуршит...» (Зайцев: 39).

Осень ассоциируется с «непрерывным дождем», «непролазной улицей», сумрачностью, темнотой, уроками «при зажженной свече, отсвечивавшей в черном лаке рояля», ощущением «какой-то ранней жизненной тягости» (Зайцев: 42). Временное циклическое движение обращается к зиме, сопряженной с новым переживанием радости «после мрака и мокроты осени» (Зайцев: 47). Акцент при изображении зимнего пейзажа сделан на символике белого цвета: «Белые крыши, белые огороды, белое взгорье за Жиздрой...» (Зайцев: 47). Среди доминирующего белого цвета проглядывает «синюющей щетинкой» «Высоцкий заказ» и черные «ветви над птичником», «да галка, разбирающая навоз» (Зайцев: 47–48). Весна ассоциируется со спасением от смерти (после перенесенной тяжелой болезни), возвращением в «удивительный, тихо-сияющий, волшебнo-обновленный Божий мир» (Зайцев: 66). В пейзажных описаниях проступает особый «стиль зайцевской прозы, исполненной умиротворенных интонаций, певуче-музыкальной и ритмизованной...» [Любомудров: 52]. Природа в восприятии героя — «неотъемлемая часть жизни, часть Дома, часть себя самого» [Захарова: 88].

Ребенок переживает полноту радости бытия:

«Кажется, что сейчас задохнешься от ощущения счастья и рая...» (Зайцев: 27).

Мир детства обращен к универсальному, вечному, пронизан Божественной благодатью:

«Благословен Бог, благословенно имя Господне! Ничего не слышал еще ни о рае, ни о Боге маленький человек, но они сами пришли, в ослепительном деревенском утре...» (Зайцев: 27).

Автор «утверждает в качестве ведущей тему счастья и рая, тему желанной и возможной для ангельской души Божественной гармонии» [Захарова: 84]. Картина летнего утра «конкретизируются в понятиях мира Божьего, Небесного Царства» [Любомудров: 52]. Образ сада коррелирует с темой Божественной любви, разлитой в пространстве. Основными параметрами аксиологической модальности художественного мира являются счастье и гармония. Мотив Божией благодати сопряжен с особой темпоральной структурой, которая «образует троичную систему временной связи: биографическое время оказывается вписано в историческое, в то же время оба времени (и биографическое, и историческое) вписаны в Вечное» [Глушкова: 113]. Мир детства «поэтически одухотворяется», сакрализируется [Захарова: 89], потому что герой таким его воспринимает.

В романе «Заря» образ матери придает пространству, окружающему героя, устойчивость, стабильность. Мать — «голос жизни, голос дня, порядка, повседневности» (Зайцев: 27). С ней связано «что-то верное, неколебимое и непреложное», ее присутствие «делает нестрашным летний сумрак с доносящимися издали, приглушенными голосами ужинающих» (Зайцев: 34). Глеб ощущает «органическую природную связь» с родным человеком, ее образ наполняется «младенческой мифологизацией», что «объясняет поразительную цельность его в сознании ребенка, абсолютизацию Света и Добра, исходящих от матери» [Захарова: 85]. Охраняющее, защищающее материнское начало не связывается только с конкретным человеком. Мать — это и Родина, в которой заключено спасительное начало. Трактовка темы России включает «мифологему Дома», «понятия легендарности и вечности», «идеальности» [Захарова: 86–87, 90].

Для идиллического сознания зайцевского героя характерна наполненность мира уютом, заботой, теплом, любовью:

«Глеб целует отца в рыжеватые усы, от которых пахнет табаком. С благоговением глядит на ровный боковой пробор...» (Зайцев: 28).

В восприятии героем отца преобладают запахи:

«...пахло отцом, сапогами его, стоявшими у постели, табаком, стружками от верстака и токарного станка, столярным клеем: это отцова мастерская» (Зайцев: 30).

Ольфакторная поэтика проявлена в изображении детского мировосприятия. Запах в сознании Глеба всегда сопряжен с внутренним эмоциональным откликом: в мастерской Семиошки «пахло сухим деревом, столярным клеем и уютно — живым существом: смесь сигарки с полушубком» (Зайцев: 48). Ощущение домашности, уюта может поддерживаться речью людей, окружающих героя:

«Глеб рос среди этих нечленораздельных речей мужицких, полных иногда соли и юмора. Это был его мир. Он в нем себя по-домашнему чувствовал» (Зайцев: 49).

Идиллический характер мира подчеркивается сценой утреннего чаепития семьи в саду:

«Сад невелик — скорее даже палисадник. Но в нем старые липы, в их тени стол, белая скатерть, самовар, стаканы, чашки — все в пестро-золотых солнечных пятнах...» (Зайцев: 27).

Совместные семейные трапезы для идиллического сознания — события, создающие атмосферу счастья. По утверждению М. М. Бахтина, «еда и питье носят в идиллии или общественный характер, или — чаще всего — семейный характер, за едой сходятся поколения, возрасты» [Бахтин, 1975: 376]. Близкие люди в восприятии Глеба являются «частью общеприродного бытия, его родного лона» [Захарова: 87]. Создается авторская «мифологема "Дома"», в которой «и образ отца, и образ матери соединяются в едином гармоническом представлении о счастье» [Захарова: 97].

«Ритуальность» поддерживает в герое ощущение устойчивости, стабильности, защищенности:

«...навсегда обликом домашнего мира осталось: отец, почтительно целующий руку матери, мать, неторопливо и благожелательно отвечающая» (Зайцев: 34).

Здесь намечена тема повторяющегося действия, ставшего непреложным семейным обычаем, создающим ощущение незыблемости существования. Ритуальность связывается с национальными началами, описывается семейное празднование Рождества, внесение елки из леса, ее украшение, праздничный хоровод. Обыденное временное существование героя включается в категорию Вечности. Евангельские события происходят здесь и сейчас: «Младенец рождается и приходит» (Зайцев: 56). Каждый предмет, вещь, действие исполнены символизма, обретают сакральное значение: ель осмысливается «священным деревом», двери комнаты, в которой она стоит, «царскими вратами» (Зайцев: 56). Мотив обожествления, света оказывается ведущим в изображении темы Рождества: из комнаты, где стоит елка, исходит «сияние, струение тепла и света» (Зайцев: 56). Важной смысловой доминантой эпизода становится «смешанный запах елки, тающих свечей, свежести» (Зайцев: 56). Категории Вечного времени и пространства существенно изменяют обыденную реальность. Хронотоп действительности утрачивает очертания «векового сна и тьмы», обретает антропоморфные черты, уподобляется ребенку, «на мгновение просыпается» и «улыбается» (Зайцев: 56).

Принцип двоemiрия реализуется многоаспектно: «детское»/«взрослое» сознание; близкие/«таинственные», «необычные» люди. Мать и отец связываются с чувством любви и духовной близости. Напротив, бабушка Франя вызывает в Глебе страх. Первое ее появление создает ощущение отторжения. Наблюдая за бабушкой, день которой полон «ежедневными долгими молитвами», герой выносит впечатление о ней как о «таинственном и необычном» «существе» (Зайцев: 38).

Двоemiрие может воплощаться и на уровне субъективных переживаний героя, вызванных определенным событием. Долгое ожидание ружья и его получение становятся причиной внутренней «раздвоенности» Глеба:

«Тело его находилось за столом рядом с матерью, но все то, что составляло его сущность, было в кабинете, где на рогу висело новенькое ружьецо» (Зайцев: 39).

В сознании ребенка впервые появляется ощущение границы, когда детство закончится, придет к своему завершению и герой «переступит <...> в мир недетский и не райский» (Зайцев: 39).

Мир ребенка меняется в соответствии с его эмоциональным состоянием. Переполюющая радость от обладания ружьем заставляет работать воображение:

«Глеб стоит с дымящимся своим ружьем, опустив дуло вниз. Убил он противника на дуэли? Застрелил разбойника?» (Зайцев: 40).

Герой словно погружается в «первобытное» бытие, остро ощущая близкое соприкосновение с «дико-сумрачным» шумом осеннего ветра, одиночеством, «стремлением к убийствам», испытывает «восторг, почти сладострастный», когда видит, «как с липового сука падает застреленная им ворона...» (Зайцев: 41).

Значительно меняется восприятие мира во время болезни. Обозначается граница «перехода» из реального в «новый <...> тяжкий мир» (Зайцев: 64). Состояние бреда искажает очертания обычных предметов. Центральным смысловым образом становится «белая кофточка» (Зайцев: 65). Символика белого цвета связывается с мотивом света, спасения, материнской любви, сопоставимой с ангельским присутствием. Временные категории получают новое смысловое наполнение, герой ощущает себя оказавшимся в «пещи огненной» (Зайцев: 65). Выздоровление осмысливается как выход к свету, спасению, любви. Глеб теперь по-иному воспринимает мир:

«Анфилада дома устовского показалась <...> огромной, точно это <...> некий дворец с залами...» (Зайцев: 66).

Танатологические мотивы в романе составляют тесное единство с темой детства, соприкасаясь с понятием границы временного измерения. Герой переживает острое чувство отчаяния, когда внезапно в разговоре с Дашенькой возникает тема смерти. Смерть осмысливается рубежом, через который герой «переходит» из обычной действительности в иное бытие. В детском сознании происходят катастрофические процессы, сопряженные с семантикой разрушения устоявшихся представлений о гармонии. Герой впервые осознает неизбежность расставания с близкими людьми: «Все умрем!» (Зайцев: 44). Пограничная семантика, актуализирующаяся

в обычный мир/погост, с особенной силой обнаруживает себя, когда ребенок представляет смерть матери.

В безмятежном мире детства Глеба появляются предзнаменования «грозного будущего» (Зайцев: 46), его приближение «слышно» в плаче погорельцев, зареве страшного пожара, уничтожившего дома и человеческие жизни. Речь идет о предстоящих исторических потрясениях, которые разрушат не только идиллию мира детства, но всю Россию. Мир детства предстает в «мифопоэтическом ракурсе: на идиллическую эпоху жизни ложится легендарный отблеск» [Захарова: 94].

Особое место в изображении мира детства занимает чтение. В тексте представлен эпизод вечернего чтения отцом Глеба повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Любовь к отцу («Глеб сидел рядом с отцом и благоговейно смотрел ему в рот») в детском сознании сливается с драматической историей произведения, вызывая восхищение, волнение, движение воображения:

«Глеб встал, подошел сзади, обнял его и поцеловал: этим хотел выразить все восхищение и Гоголем, и отцом. В ту минуту ему казалось, что и он мог бы так же выдержать все мучения, а отец был бы Тарасом» (Зайцев: 53).

Гоголевская проза, «близкие вокруг, большой уютный дом, поля, леса России» — все соединяется в единое пространство «любви, заботы, нежности» (Зайцев: 54). Перед нами мир «Святой Руси», которую, по признанию писателя, «без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда» [Любомудров: 49]. В эпизоде чтения «Тараса Бульбы» демонстрируется «поэтизация культуры как основы семейного быта» [Захарова: 92]. Все вместе это составляет «мифологему "утраченного рая"», «авторского мифа о России ушедшей» [Захарова: 94].

Образ России идеализируется, поэтизируется самим Глебом-ребенком, который так воспринимает мир. Б. К. Зайцев является наследником культуры Серебряного века, модернизма, который стал «проявлением неистребимой внутренней <...> потребности <...> в самовозрождении, толкающей к поиску спасения, новых способов существования...» [Колобаева: 4]. С дореволюционного периода Б. К. Зайцев как художник занимает промежуточное положение «между реалистами и модернистами», тяготеет к «углубленному синтезу классических традиций

с изощренностью модерна» [Полонский: 431]. Глеб сам строит (моделирует) историю своего детства, избирает единственно возможную, на его взгляд, версию ее завершения. Герой вписывает свое детство в «рамки» пейзажных картин, чувственных ощущений (визуальных, ольфакторных, звуковых и т. д.), возникающих в процессе его взаимодействия с внешним миром. Автор занимает внешнюю позицию по отношению к художественному миру.

Подводя итоги, стоит отметить, что образ детства в романе Б. К. Зайцева «Заря» изображается в соответствии с традициями классической реалистической прозы XIX в. о детстве. Идиллический хронотоп является определяющим для мира детства. В центре его находится ребенок, живущий в окружении семьи, народа, природы. Детство осмысливается счастливой порой. Пространство строится как система оппозиций, разделяющих «свой» и «чужой» локусы. Детство сакрализуется, как и сама утраченная в мировых катаклизмах Родина. Модернистские новации зайцевской прозы проявились в наделенности героя стремлением к «построению» художественного мира. Он «создает» сюжетное развитие, в котором выполняет роль и участника (героя), и его «творца» («создателя»).

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Глушкова Н. (Анри). Организация времени в тетралогии «Путешествие Глеба» Б. Зайцева // Творчество Б. К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2003. С. 102–114.
4. Дулова С. А., Николаев Н. И. Проза Гайто Газданова в контексте меняющейся художественной картины мира // Litera. 2019. № 4. С. 128–134 [Электронный ресурс]. URL: https://e-notabene.ru/fil/article_30501.html (10.11.2023). DOI: 10.25136/2409-8698.2019.4.30501
5. Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева. Нижний Новгород: Мининский ун-т, 2014. 166 с.
6. Ермоленко С. И. «Головлево — это сама смерть...» (Образ «дворянского гнезда» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») (статья вторая) // Филологический класс. 2003. № 2 (10). С. 67–75 [Электронный ресурс]. URL: <https://filclass.ru/archive/2003/2-10/golovlevo->

- eto-sama-smert-obraz-dvoryanskogo-gnezda-v-romane-m-e-saltykova-shchedrina-gospoda-golovlevy (10.11.2023).
7. Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Изд-во МГУ, 2000. 296 с.
 8. Копейкина Т. Е. Усадебный мир Л. Н. Толстого в повести «Детство» в контексте культурно-исторической традиции // Актуальные вопросы инновационного развития Арктического региона РФ: сб. мат-лов IV Всеросс. науч.-практ. конф. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 409–412.
 9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
 10. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
 11. Полонский В. В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.
 12. Фомиченко А. О. Формирование личностного сознания ребенка в тетралогии Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба»: роман «Заря» // Universum: филология и искусствоведение. 2015. № 12 (24) [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2856> (09.11.2023).

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
3. Glushkova N. (Anri). Organization of Time in the Tetralogy "Gleb's Journey" by B. Zaitsev. In: *Tvorchestvo B. K. Zaitseva v kontekste russkoy i mirovoy literatury XX veka* [Works of B. K. Zaitsev in the Context of Russian and World Literature of the 20th Century]. Kaluga, Institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya Publ., 2003, pp. 102–114. (In Russ.)
4. Dulova S. A., Nikolaev N. I. Prose of Gaito Gazdanov in the Context of the Changing Artistic Picture of the World. In: *Litera*, 2019, no. 4, pp. 128–134. Available at: https://e-notabene.ru/fil/article_30501.html (accessed on November 10, 2023). DOI: 10.25136/2409-8698.2019.4.30501 (In Russ.)
5. Zakharova V. T. *Poetika prozy B. K. Zaitseva* [Poetics of Prose by B. K. Zaitsev]. Nizhny Novgorod, Minin University Publ., 2014. 166 p. (In Russ.)
6. Ermolenko S. I. "Golovlevo Is Death Itself..." (The Image of the "Noble Nest" in the Novel by M. E. Saltykov-Shchedrin "Lord Golovleva") (Article Two). In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2003, no. 2 (10), pp. 67–75. Available at: <https://filclass.ru/archive/2003/2-10/golovlevo-eto-sama-smert-obraz-dvoryanskogo-gnezda-v-romane-m-e-saltykova-shchedrina-gospoda-golovlevy> (accessed on November 11, 2023). (In Russ.)

7. Kolobaeva L. A. *Russkiy simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2000. 296 p. (In Russ.)
8. Kopeykina T. E. The Estate World of L. N. Tolstoy in the Short Novel “Childhood” in the Context of Cultural and Historical Tradition. In: *Aktual'nye voprosy innovatsionnogo razvitiya Arkticheskogo regiona Russian Federation: sbornik materialov IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current Issues of Innovative Development of the Arctic Region of the Russian Federation: Collection of Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Named After M. V. Lomonosov Publ., 2023, pp. 409–412. (In Russ.)
9. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of a Literary Text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)
10. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaytsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in Russian Literature Abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)
11. Polonskiy V. V. *Mezhdru traditsiei i modernizmom. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriya, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 19th — 20th Centuries: History, Poetics, Context]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 472 p. (In Russ.)
12. Fomichenko A. O. Formation of Personal Child's Consciousness in Tetralogy of B. K. Zaitsev “Gleb's Journey”: the Novel “Dawn”. In: *Universum: filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art History], 2015, no. 12 (24). Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2856> (accessed on November 9, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова (наб. Северной Двины, 17, г. Архангельск, Российская Федерация, 163002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>; e-mail: shestakova.lena2013@yandex.ru.

Elena Yu. Shestakova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Northern (Arctic) Federal University Named After M. V. Lomonosov (nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>; e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 22.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.03.2024

Принята к публикации / Accepted 29.03.2024

Дата публикации / Date of publication 13.05.2024